

¹⁴ Помимо писем отцу Буве от 19 октября (ст. ст.) и 8 ноября (ст. ст.) 1812 г. (*Surrugues. L'ittres sur l'incendie de Moscou...*), письма от 10 ноября (ст. ст.) 1812 г. аббату Николю (Рус. архив. 1882. № 4. С. 196—204), «Журнала» (*Surugue A. Mil huit cent douze...*), письма от 9 ноября (ст. ст.) 1812 г. С. Сестреневичу, архиепископу Могилевскому (*Surugue A. Mil huit cent douze...* Р. 64—71), мы располагаем текстом выступления Сюрюга 26 октября 1791 г. на заседании совета тулузского коллежа (*Mirot L. Op. cit. P. 9*), материалами к выступлению Сюрюга на заседании того же органа 29 декабря 1791 г. (*Ibid. P. 10—11*), отрывками из письма племяннику Моро де Шарни от 21 февраля 1809 г. (*Ibid. P. 22*), выдержками из письма аббату де Бийи, вероятно, 1812 г. (*Ibid. P. 27*), выдержками из писем различным лицам, приведенными Д. А. Толстым (*Tolstoy D. A. Op. cit. P. 80, 196, 199*), отрывком из ответа Сюрюга в мае 1791 г. на запрос Директории дистрикта Тулузы (*Mirot L. Op. cit. P. 8*), а также пересказом содержания письма, отправленного 2 мая (ст. ст.) 1808 г. архиепископу Могилевскому.

¹⁵ *Вергилий*. Энеида. II, 324—326.

¹⁶ В действительности служба в некоторых русских церквях Москвы в эти дни все-таки была.

¹⁷ *Tolstoy D. A. Op. cit. P. 199*.

¹⁸ На утро следующего дня после начала пожаров и грабежей, 3 сентября (ст. ст.), когда все лавки были уже разгромлены, «осталось только несколько русских книжных магазинов». Они, как можно предположить по тексту, русскую чернь не интересовали.

¹⁹ То, что аббат благодаря долгой жизни в России проникся некоторыми обычаями, например, использовал почти исключительно русский (юлианский) стиль, несколько не отразилось на основополагающих понятиях, которыми он руководствовался.

Н. Н. Баранов

Фридрих Науман: становление интеллектуала

Образ Фридриха Наумана в исторической памяти немцев и политической культуре ФРГ предстает олицетворением национальной либеральной традиции, очищенной от «исторического греха» тех либералов, которые фактически отреклись от своих ранних идей в пользу бисмарковского имперского национального государства. В нем видят также символ преемственности современной Германии — республики и демократии с либе-

рально-демократическими идеями и движениями, альтернативными вильгельминскому государству и создавшими Веймарскую республику. Не случайно имя Фридриха Наумана носит фонд либеральной политики (Friedrich Naumann Stieftung), близкий к Свободной демократической партии (СДП) Германии — партии немецких либералов.

В то же время личность Фридриха Наумана (1860 — 1919) — лютеранского пастора, публициста, политического деятеля, равно как и его влияние на общественную жизнь страны, гораздо сложнее и многограннее сложившегося стереотипа. В этой яркой, неординарной личности прихотливо переплелись различные и внешне даже противоречивые идейно-политические комплексы. Христианский социалист, высоко ставивший значение индустрии и массы, либеральный демократ с пиететом к цезаристской парадигме верховной власти, поборник мировой политики и империалистического экспансионизма, Фридрих Науман является, прежде всего, персонифицированным воплощением ситуации кризиса модерна и мучительных поисков его альтернативы. Известный американский историк середины XX в. У. Шэнахэн по праву называл его «зеркалом вильгельминской Германии» и подчеркивал, что «все ее слабости и заблуждения, сомнения и амбиции открыто отражены в работах Наумана»¹.

Оригинальные политические идеи Фридриха Наумана вызывали интерес современников не только в Германии, в частности, оба его программных труда были вскоре после выхода в свет переведены и опубликованы в России². Однако впоследствии его фигура стала маргинальной в отечественной историографии, ограниченный интерес к ней был обусловлен необходимостью разработки общих исследовательских проблем германской истории рубежа XIX—XX вв. Непосредственно к проблематике, связанной с именем Наумана, отечественные историки обратились в 80-е гг. XX в., но, к сожалению, эта тема не получила тогда должного развития³. Только в последнее время можно говорить о формировании устойчивого интереса к его личности и политическому наследию в работах перспективного исследователя из Москвы Е. Д. Максаковской⁴.

При этом можно отметить, что в первые десятилетия, прошедшие со смерти политического мыслителя, даже в Германии о нем писали достаточно мало. Первый опыт создания библиографии Наумана — справочник А. Милаца, вышедший в 1957 г., показывает, что к его личности и творчеству, как правило, обращались современники, которые были связаны с ним дружескими отношениями⁵. Самый заметный пример — биографический очерк, написанный коллегой Наумана по созданной им партии — Национал-социальному союзу пастором Мартином Венком и изданный в 1920 г.⁶ Такие работы были продиктованы, скорее, личной привязанностью и уважением к Науману, чем стремлением сделать его политическую программу объектом пристального изучения и воплощения. В этом не было ничего удивительного, если учесть, что программные труды Наумана, созданные в эпоху правления Вильгельма II, были неразрывно связаны с исторической судьбой Второго рейха и, как казалось, безвозвратно ушли в прошлое вместе с ним после Ноябрьской революции 1918 г.

Первым серьезным биографом Ф. Наумана стал Теодор Хейсс, его политический ученик, единомышленник, соратник по журналу «Die Hilfe» и Немецкой демократической партии. Первое издание биографии увидело свет еще в 1937 г. Естественно, что плебисцитарно-автократические и имперско-интеграционистские элементы мировоззрения Наумана национал-социалисты пытались эксплуатировать в контексте создания «нового мирового порядка». Однако поворотным пунктом можно считать выход второго издания биографии в 1949 г., когда Т. Хейсс уже был избран первым президентом Боннской республики⁷. Начиная с этого времени наследие Наумана стало привлекать многих немецких исследователей. Благодаря их работам его имя получает европейскую известность. Возрождение интереса к Фридриху Науману можно объяснить двояко: с одной стороны, молодая немецкая демократия в ФРГ нуждалась в историческом фундаменте. Биография Хейсса, относившегося к своему старшему коллеге с большой симпатией и глубоким уважением, давала возможность увидеть в нем именно предвестника демократических традиций. В этом ключе

образ Наумана рассматривается рядом исследователей до сих пор. С другой стороны, после падения нацистского режима было необходимо переосмыслить новейшую немецкую историю, проанализировать ту идейно-политическую парадигму, которая вызвала катастрофу 1945 г. Целый ряд западногерманских исследователей, в первую очередь Вернер Конце, последовательно оценивают Наумана как одного из политиков империалистического толка, которые несут долю ответственности за втягивание Германии в Первую мировую войну и последующие роковые события⁸. В рамках этих двух направлений изучение личности и общественно-политической деятельности Наумана развивается до сих пор, пережив в 1990-х гг. своеобразный ренессанс.

Особый интерес представляют монографические исследования «Государство и государственный разум по Фридриху Науману» Ю. Криста и «Либерализм на рубеже XIX и XX веков: реформирование либеральной политической мысли в Германии и Англии на примере Фридриха Наумана и Леонарда Т. Гобхауса» Ш. Г. Шнорра⁹. Эти авторы анализируют принципы, которыми Науман руководствовался в своей общественно-политической деятельности, дают представление о системе его взглядов на основании его крупных работ. При этом Ю. Криста можно отнести к той группе исследователей, которые расценивают Наумана как раннего основоположника либерально-демократических идей в Германии, в то время как Ш. Г. Шнорр констатирует, как минимум, противоречие между его либеральными внутривнутриполитическими взглядами и дарвинистским пониманием внешней политики.

Отдельную категорию составляют работы О. Леверенца, Д. Кляйнманна и др., посвященные деятельности Ф. Наумана как протестантского богослова¹⁰.

Общественно-политическую деятельность Фридриха Наумана можно разделить на три периода: христианско-социальный (1886—1896), национал-социальный (1896—1903) и леволиберальный (1903—1919). При этом в его биографии выделяются два переломных момента. Первым и, возможно, наиболее важным был его отказ от пасторского сана в 1896 г., за которым

стоял отказ от идеи активного участия протестантской церкви в решении социальных проблем немецкого общества и от христианского подхода к решению политических и социальных проблем вообще. После этого Фридрих Науман стал целенаправленно заниматься политикой, основав свою собственную партию — Национал-социальный союз. Вторым событием является его присоединение к левым либералам в 1903 г. Именно либерализм стал конечным пунктом его политических поисков.

Йозеф Фридрих Науман родился 25 марта 1860 г. в деревне Штермталь под Лейпцигом в семье протестантского пастора Фридриха Гуго Наумана. Его отец был ортодоксальным лютеранином, как и его дед со стороны матери, Марии-Агаты Альфельд. Детские годы Фридриха и его младших братьев и сестер прошли в саксонском городке Лихтенштейн. В 1874 г. он вместе со своим братом Иоганном поступил в Николаевскую гимназию в Лейпциге. Однако отец Наумана был не вполне удовлетворен качеством образования, и спустя два года оба брата перешли в так называемую княжескую школу Св. Афры в Мейсене. Подобные школы предлагали академическое гуманитарное образование, имели очень строгую организацию, основанную на уставе и сложившихся традициях, особый акцент делался на изучении латыни и греческого. Фридрих же лучше всего успевал по естественным наукам и математике. В это же время он стал специально учиться рисованию — занятию, которое он не оставлял всю жизнь.

По окончании школы в 1879 г. у него еще не было четкого представления о будущей профессии. В одном из писем к родителям он говорит, что «все же моя сфера — это математика»¹¹. Оглядываясь назад в 1911 г., он пишет, что был готов изучать именно ее, но его подтолкнули к изучению богословия желание родных и семейная традиция, а также те образцы для подражания, какими были для него близкие.

С 1879 по 1883 г. Науман изучал богословие в Лейпцигском, а затем в Эрлангенском университете. Это образование он выбрал, прежде всего, под влиянием семейной традиции и по настоянию своего отца¹². Интересно, что Науман с самого начала склонялся к тому, что он называл «адогматическим

христианством»¹³: он по возможности избегал догматических вопросов христианской веры, считая, что большее значение имеет этическая сторона религии, конкретные нравственные нормы¹⁴. Так, он писал родителям: «Для рассудка как такового пантеизм, деизм и теизм не настолько различны, чтобы одна из этих систем сама по себе имела преимущество над другими. В конечном итоге все решает именно этическая сторона...»¹⁵. Уже здесь, возможно, кроется причина того, что впоследствии Науман предпочел отказаться от пасторского служения, чтобы активно заниматься политикой: он считал, что таким образом сможет сделать для окружающих больше, чем если бы оставался духовным лицом. Одновременно его определенное равнодушие к догматике еще в период пасторского служения повлияло на то, что он более либерально и даже с симпатией отнесся к идеям, которые евангелическая церковь осуждала, прежде всего, социал-демократическим.

В университете Науман также впервые соприкоснулся с политическими и социальными вопросами, стоявшими перед немецким обществом. В 1880 г. он стал одним из основателей филиала «Объединения немецких студентов» — студенческого движения, зародившегося в Берлине и имевшего антисемитскую окраску, — хотя Науман никогда не был агрессивным антисемитом. Координирующим центром нового движения стал не Берлин, а Лейпциг и Галле¹⁶. «Объединение немецких студентов» было основано во многом при поддержке придворного проповедника Адольфа Штекера — одной из знаковых фигур того периода, чья деятельность оказала большое влияние и на Фридриха Наумана.

Штекер был первым протестантским пастором, который выступил за участие евангелической церкви в политической жизни с целью решения социальной проблемы. В 1878 г. он основал Христианскую социалистическую партию, целью которой были христианизация и улучшение жизненных условий рабочего класса, привлечение рабочих на сторону существующего режима. Идеалом государственного устройства Штекера была социальная монархия, основанная на христианской вере¹⁷. В 1881 г. по приглашению Наумана Штекер выступил с речью

под названием «Великие времена, великие задачи» на одном из первых съездов «Объединения немецких студентов». Она произвела на Наумана большое впечатление и убедила в важности решения социального вопроса, хотя он и не стал членом партии Штекера, а спустя несколько лет окончательно отошел от консервативных взглядов, которых придерживался придворный проповедник. Однако он всегда с благодарностью говорил о том импульсе, который дали ему и многим молодым людям идеи Штекера¹⁸.

Спустя некоторое время у Фридриха Наумана появилась возможность принять практическое участие в социальной работе евангелической церкви. После сдачи первого богословского экзамена с оценкой «хорошо» в 1883 г. он получил приглашение поработать в качестве старшего помощника в главном учреждении Внутренней миссии в Гамбурге — в так называемом Суrowом доме.

Внутренняя миссия была первой попыткой протестантской церкви решить социальную проблему, точнее, придать христианской благотворительной и миссионерской деятельности более активный и организованный характер в масштабах страны. Ее инициатором стал пастор Иоганн Генрих Вихерн, основавший в 1849 г. Центральный комитет Внутренней миссии. По мере своего развития она стала включать в себя разнообразные учреждения, так или иначе связанные с церковью, но не подчинявшиеся ей напрямую: организации присмотра за детьми в школах после занятий, ясли, приюты для беспризорных детей и сирот, школы подготовки горничных, дома престарелых, больницы, дома помощи падшим девушкам, постоянные дворы для бродячих подмастерьев, объединения верующих предпринимателей, ремесленников, верующей молодежи и др. К Внутренней миссии присоединялись печатные издания протестантской церкви, союзы по борьбе с безнравственностью, городские церковные миссии, школы диаконов и т. д.¹⁹ С 1883 по 1885 г. Науман работал в Суrowом доме воспитателем и преподавателем, руководя группой из 10—12 мальчиков. Он преподавал Закон Божий, немецкий язык, историю и математику. Параллельно он стал заниматься публицистикой, а также выполнял функции секретаря.

В 1885 г. под влиянием родителей Науман все же решил стать пастором, несмотря на то, что сам он испытывал постоянные колебания в этом вопросе. Осенью того же года он сдал заключительный экзамен по богословию, затем в течение семестра посещал Лейпцигскую семинарию с целью практической подготовки к пасторству. В конце концов в 1886 г. Фридрих Науман был произведен в сан пастора и получил приход в саксонской деревне Лангенберг.

В Лангенберге он провел около четырех лет, в течение которых, несмотря на первоначальную неуверенность, активно развивал свой приход и зарекомендовал себя как талантливый публицист. В этот период Фридрих Науман становится постоянным корреспондентом газеты «Христианский мир: еженедельник для образованных членов евангелических церквей», где он пишет главным образом о социальных проблемах. В то же время Науман, стремясь наладить отношения с рабочими, принадлежавшими к его приходу, впервые столкнулся с идеями социал-демократии. Ему часто приходилось вступать в споры и дискуссии со сторонниками этих идей, так как социал-демократическая пропаганда того времени была крайне антицерковной, если не антихристианской. В конечном итоге Науман решил изучить первоисточники социал-демократических идей — работы Бебеля, Либкнехта, Лассалья и Маркса и работы их критиков. Одновременно он старался как можно лучше вникнуть в социальное положение знакомых ему рабочих и предпринимателей, в экономические закономерности. Постепенно Науман пришел к выводу, что первопричина появления социал-демократии — та же самая, что и Внутренней миссии: «За фанатизмом социал-демократии стоит подлинная нужда. Это и многое другое вызвало к жизни социал-демократию и Внутреннюю миссию»²⁰. Кроме того, в социал-демократическом учении Науман видел нечто догматическое, некую «обмирщенную теологию»²¹, что в его глазах даже сближало это учение с христианством. В социально-экономических положениях социал-демократов он находил немало справедливого, что можно и нужно было практиковать с христианских позиций, хотя он ни в коей мере не был согласен с их политической программой

и тем более с материалистической философией. Так или иначе перед Науманом встал вопрос «об отношении евангелической церкви и ее паствы к рабочему вопросу, социал-демократии и к социальному вопросу вообще»²². Он попытался решить его в трех работах, написанных им в это время: «Рабочий катехизис, или Истинный социализм» (1888), «Что делать с неверующей социал-демократией?» (1889) и «Социальная программа евангелической церкви» (1890). Все они вышли отдельными изданиями благодаря репутации талантливому публицисту, которую Науман приобрел, печатаясь в «Христианском мире», и получили широкий, но неоднозначный отклик в кругах протестантского духовенства и прихожан.

Общим для этих работ является стремление автора увидеть социальную проблему прежде всего не глазами пастора, представителя интеллигенции или благотворителя, как это чаще всего делалось в рамках благотворительной деятельности евангелической церкви, а глазами самих рабочих. Науман признавал их бедственное положение и справедливость многих требований социал-демократов; главная причина его несогласия с социал-демократическим учением заключалась в материалистическом мировоззрении, а не в содержании политической программы социал-демократической партии; он призывал к активной христианизации рабочих масс и в то же время к тому, чтобы церковь взяла на себя инициативу в решении социального вопроса путем самоорганизации рабочих и выступила за более справедливое распределение общественных благ. При этом она должна сделать все, чтобы предотвратить враждебность и разделение в обществе, которые обычно сопровождают такой процесс. Основой для активного участия церкви в политике должна была стать Внутренняя миссия, имевшая разветвленную сеть различных социальных учреждений²³. Даже если автор не стремился к этому осознанно, христианский социализм приобретал в работах Наумана новый смысл, выходил за рамки своего консервативного истолкования, которое принадлежало Штекеру, становился «пролетарским христианством»²⁴.

Эти взгляды были необычными для аудитории, к которой обращался Науман, и у него сразу же появились идейные

противники, в основном разделявшие консервативно-социальные взгляды. Они были не согласны с умеренной позицией Наумана в отношении социал-демократии, а также с тем, что он был сторонником активной роли самих рабочих масс в решении социальной проблемы, что закономерно приводило к радикальной смене социальной структуры. Однако среди молодого поколения у него немедленно появились и сторонники, прежде всего его первый биограф Мартин Венк, также протестантский пастор. «Социальная программа евангелической церкви» была восторженно встречена многими сотрудниками Внутренней миссии, имя Наумана стало приобретать известность по всей стране.

Одновременно с установлением единоличного правления нового кайзера произошел поворот в политике государства и официальной церкви по рабочему и социальному вопросам. Император Вильгельм II объявил начало внутренних реформ, направленных на улучшение положения рабочего класса. В рамках политики «нового курса» канцлера Л. Каприви 1890 год был объявлен «социальным годом». В связи с этим евангелическая церковь официально рекомендовала своим служителям заняться изучением социального вопроса. В Берлине был созван Евангелически-социальный конгресс. Его задачи включали «непредубежденное исследование социальных отношений народа, сравнение их с масштабом нравственных и религиозных требований Евангелия и усиление влияния этих требований на современную народно-хозяйственную жизнь», а также «распространение в обществе и народе популярных сведений об экономической действительности и практических знаний из области народного хозяйства»²⁵. К участию в работе конгресса было приглашено все протестантское население Германии — беспрецедентный шаг в истории евангелической церкви. Таким образом, возникли предпосылки для разработки целостной социальной программы, новых методов работы, новых институтов.

Как раз в 1890 г. Ф. Науман получил приглашение занять место пастора рабочего союза Внутренней миссии во Франкфурте-на-Майне, и в июне того же года он переехал

туда вместе с молодой женой. Науман проработал там шесть лет. В этот период завершилось формирование его политического кредо.

Вместе со своими единомышленниками пасторами Паулем Гере, Теодором Траубом, Эрнстом Леманном, Мартином Венком и другими Науман разработал евангелически-социальную программу, которая должна была стать программным документом рабочих союзов. Окончательно она была сформулирована в сборнике статей Наумана «Что такое христианский социализм?» (1894—1896), где он открыто выступает за улучшение жизненных условий рабочих, защиту их прав и усиление влияния рабочего класса на жизнь общества. В нем говорилось, что конечной целью деятельности рабочих союзов должно быть не объединение различных христианских и социальных требований, а «органическое, исторически обусловленное изменение... [общественных] отношений в соответствии с нравственными идеями, которые заложены в Евангелии или следуют из него»²⁶. Выдвигались конкретные требования экономического характера: предотвращение концентрации крупного капитала путем изменений в налоговом законодательстве и др. Это была во многом социалистическая программа, и старые рабочие союзы отказались признать ее обязательной. Поэтому она осталась в основном предметом обсуждений и дискуссий на заседаниях Федерации рабочих союзов. Она не нашла достаточной поддержки и в церкви. Многие ее представители сочли эту программу радикальной, слишком близкой к идеям социал-демократии и требовавшей слишком большого участия церкви во внутривнутриполитических делах. С их точки зрения, традиционная христианская благотворительность должна была выражаться в отдельных добровольных поступках, пожертвованиях и социальном служении. Науман и его сторонники стремились решать социальные вопросы именно на политическом уровне. В этом опять же сказались изначальная склонность Наумана к социальной деятельности, которая была для него важнее, чем деятельность церковная, а точнее, в которой он и видел одну из главнейших задач евангелической церкви в конце XIX в. Кроме того, руководство Внутренней миссии во Франкфурте

опасалось, что открытая поддержка Науманом требований рабочих может привести к тому, что состоятельные благотворители прекратят свои пожертвования²⁷. По мере того как позиция Наумана политизировалась, отношения между ним и руководством Внутренней миссии становились напряженными. В конечном итоге в 1894 г. он оставил должность пастора рабочего союза во Франкфурте-на-Майне и на некоторое время стал пастором рабочего союза Юго-Западной конференции Внутренней миссии в Германии, которая тоже имела свой филиал во Франкфурте.

Одновременно стали изменяться взгляды самого Наумана, что привело к тому, что он отказался от христианско-социальной идеи. Он уже не мог рассчитывать на то, что его идеи будут восприняты церковным руководством. Это подталкивало его к поиску других путей реализации своей программы.

Друзья предложили ему основать собственный печатный орган. Он возник в 1894 г. и назывался «Hilfe» («Помощь»). Согласно замыслу Наумана, основными темами еженедельника должны были стать религия, экономика, общая евангелическая позиция по социальному вопросу. Социальная политика, за которую выступала «Hilfe», должна была состоять из государственных социальных мероприятий, деятельности профессиональных объединений и организаций общественного вспомоществования²⁸. Но у издания не было собственной политической программы. Говорилось только о том, что издатели поддерживают существующую конституцию и выступают за то, чтобы неимущие были более широко представлены в ландтагах и органах городского самоуправления. Это была закономерная позиция Наумана в то время, так как в политическом отношении он был монархистом и не пересматривал свои политические убеждения, будучи целиком поглощен христианско-социальной деятельностью. Однако, став издателем еженедельника, он был вынужден постоянно комментировать внутривнутриполитические события и формировать свое отношение к ним.

Уже в первых номерах «Hilfe» Науман выступил с критикой законопроекта, направленного на новое ужесточение официальной политики в отношении социал-демократической

партии и групп, близких к ней, чем привлек внимание широких кругов к своему изданию. В ходе развернувшейся полемики он стал приглашать к работе в своем журнале специалистов по вопросам социальной политики, возникла необходимость сформулировать целостную политическую позицию еженедельника, и Науман начинает поиск некоей основополагающей идеи, исходя из которой, можно было формировать политические убеждения. Таким фундаментом для его социальной работы была христианская вера. Но она, с точки зрения Наумана, не могла играть подобную роль в политической жизни: в Евангелии он не находил каких-либо указаний относительно государственного устройства и внутренней политики²⁹. В конечном итоге императивом для Наумана стала идея национальной мощи, национализма, когда все политические решения должны были служить росту могущества и процветанию Германии. К этому выводу он пришел в 1895—1896 гг. под влиянием Макса Вебера, правоведа Рудольфа Зоме и историка Ганса Дельбрюка, выступавших на заседаниях Евангелически-социального конгресса и на конгрессе Внутренней миссии³⁰.

Суть убеждений Вебера, которые во многом перенял Науман, сводилась к следующему: целью и движущей силой любой внутренней политики, в том числе и социальной, должно быть увеличение национальной мощи. Нравственные мотивы играют при этом второстепенную роль, если вообще берутся в расчет. Принимая эту точку зрения, Науман был вынужден отказаться от религиозной основы своей социальной работы. Закономерным выводом было также признание усиления внешней мощи Германии. Внешняя политика получает приоритет над внутренней, потому что, по убеждению Наумана, внутренние реформы могут иметь успех только в сильном, защищенном от внешних противников государстве. Значение, которое он и его сторонники придавали внешней политике, изменило их отношение к социал-демократии: теперь главной причиной их несогласия с СДП была ее интернационалистическая внешнеполитическая программа, а не материалистическая философия.

Еще глубже повлияла на Наумана критика христианского социализма, исходившая от Рудольфа Зоме. Он отрицал понятие

христианского государства вообще и рассматривал общественную жизнь как борьбу классов за власть, в которой христианство было использовано в интересах одной модели государственного устройства и поэтому вызвало неприятие у сторонников другой модели. По мнению Зома, ориентиром внутренней политики должно было быть право, а не христианство, понятия, с его точки зрения, не связанные между собой³¹.

Естественно, что это переосмысление значения религии в жизни государства было для Наумана, протестантского пастора, сложным процессом. Однако он закончился окончательным отказом от христианского социализма и переходом к национальному социализму, и впоследствии именно национализм был определяющим фактором в политической деятельности Наумана. Он пришел к выводу, что политика в принципе не может основываться на христианском вероучении, так как в политических вопросах человек вынужден подчиняться историческим, социальным закономерностям, а выполнять христианские заповеди он может в личной жизни. Поэтому христианин вынужден совмещать личную и общественную мораль и терпеть их противоречивость³².

С этой точки зрения надо рассматривать набор идей, с которыми Науман выступал начиная примерно с 1896 г.: безусловная поддержка «мировой политики» Вильгельма II, империализма и в то же время последовательное требование социальных реформ, улучшения положения рабочих и увеличения их политической роли в жизни рейха. Индустриализацию и демократизацию Науман считал неотъемлемыми условиями успешного развития Германии и роста ее международного статуса. Следует отметить, что если раньше решение социального вопроса для Наумана было самостоятельной целью, фактически нравственным долгом благополучных слоев общества, то отныне оно являлось лишь средством укрепления мощи германской нации.

Такое сочетание социал-демократических и империалистических целей было необычным для политического спектра вильгельминской Германии, и это тоже стало одной из причин, которые побудили Фридриха Наумана стать профессиональным

политиком. Он полагал, что видит принципиально новый подход к решению политических проблем рейха, который должен предложить обществу, даже если оно не сразу окажется готовым его воспринять.

«Hilfe» привлекала к себе многих представителей интеллигенции, предпринимателей и более молодых, одного поколения с Науманом социальных сотрудников Внутренней миссии, которых на Евангелически-социальном конгрессе так и называли «молодые», в отличие от «старых», в основном сторонников Штекера. Тираж еженедельника в период с января 1895 г. по февраль 1896 г. вырос вдвое: с 6 тыс. до 12 тыс. экземпляров³³. В августе 1896 г. на совещании под председательством Фридриха Наумана было решено на основе этого круга людей создать активное политическое объединение, а также основать ежедневную газету для новой политической единицы. Осенью того же года в Эрфурте прошло учредительное собрание новой организации, которая получила название Национал-социальный союз. И Фридрих Науман начинает свою политическую карьеру в качестве председателя этого союза, в 1897 г. он отказывается от пасторского сана, считая невозможным совмещать церковную и политическую деятельность. Это было прямым результатом внутреннего конфликта между христианскими и политическими убеждениями, а также нежелания компромитировать институт церкви своими действиями.

Подводя итоги, можно сказать, что и внешние обстоятельства, и внутренние, личностные причины подвигли Фридриха Наумана к началу профессиональной политической деятельности. Его выбор в действительности не представлял собой ничего исключительного. В Германии рубежа веков активным образом шел процесс формирования массового общества при сохранении сильного влияния традиционных структур и отношений. Результатом становилась почти тотальная политизация. Все большее количество людей, изначально далеких от политики, стремились тем или иным образом оказать влияние на жизнь государства и защитить собственные интересы через различные профессиональные, религиозные и политические объединения³⁴.

Традиционное воспитание и образование Наумана с самого начала его пасторского служения вступили в противоречие с окружающей его социальной реальностью. Однако его видение роли евангелической церкви в решении социального вопроса в Германии не находило поддержки у церковного руководства, и Науман стал искать другие способы реализации своих идей. Поскольку в Германии не было партий, которые бы представляли схожие интересы, он принял решение создать свою собственную партию, так как был убежден в значимости и полезности своей программы.

Что касается личностных причин, повлиявших на его решение, то важным фактором явился внутренний религиозный конфликт. Фридрих Науман пришел к выводу, что церковь не только не может, но и не должна участвовать в политике, а христианские принципы не могут распространяться на политические проблемы, так как там действуют абсолютно иные законы. Зная, что такая точка зрения не может быть одобрена руководством церкви, и не желая, чтобы церковь несла ответственность за его взгляды, он отказался от пасторского служения. Он считал, что может принести больше пользы обществу в качестве политика, чем в качестве протестантского пастора.

Помимо всего остального, Фридрих Науман был человеком, обладавшим большой энергией, знавшим, как мобилизовать и вдохновить своих сторонников. Он хотел употребить эту энергию на благо соотечественникам, принести пользу как можно большему количеству людей и верил, что на политическом поприще ему удастся это сделать.

---

¹ *Shanahan W.* Friedrich Naumann: A Mirror of Wilhelminian Germany // *The Review of Politics*. 1951. № 13. P. 267.

² См.: *Науман Ф.* Демократия и имперство. М., 1906. *Он же.* Срединная Европа. М., 1918.

³ См.: *Садовая Г. М.* Ф. Науман: от «промышленной демократии» к «срединной Европе» // *Первая мировая война: политика, идеология, историография: (к 75-летию начала войны)*. Куйбышев, 1990. С. 97–112; *Цфасман А. Б.* У истоков немецкого неоллиберализма: социально-политические идеи Фридриха Наумана // *Классовая борьба в Германии в Новейшее время (1918–1945 гг.)*. Челябинск, 1983. С. 3–20.

⁴ См.: *Максаковская Е. Д.* Легенда о Наумане // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 39–58. Она же. Фридрих Науман и попытка обновления либерализма в Германии в начале XX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 2001. № 1. С. 7–92.

⁵ См.: *Milatz A.* Friedrich-Naumann-Bibliographie. Dьsseldorf, 1957. S. 99–106.

⁶ См.: *Wenck M.* Friedrich Naumann. В., 1920. 160 S.

⁷ См.: *Heuss T.* Friedrich Naumann: Der Mann, das Werk, die Zeit. Stuttgart, 1937; *Idem.* Friedrich Naumann: Der Mann, das Werk, die Zeit. 2. Auflage. Stuttgart; Тьbingen, 1949. 591 S.

⁸ См.: *Conze W.* Friedrich Naumann: Grundlagen und Ansatz seiner Politik in der nationalsozialen Zeit (1895 bis 1903) // Schicksalswege deutscher Vergangenheit: Beitrдge zur geschichtlichen Deutung der letzten 150 Jahre. Dьsseldorf, 1950. S. 355–386.

⁹ *Christ J.* Staat und Staatsraison bei Friedrich Naumann. Heidelberg, 1969. 120 S.; *Schnorr S. G.* Liberalismus zwischen dem 19. und 20. Jahrhundert: Reformulierung liberaler politischer Theorie in Deutschland und England am Beispiel von Friedrich Naumann und Leonard T. Hobhouse. Baden-Baden, 1990. 515 S.

¹⁰ *Lewerenz O.* Zwischen Reich Gottes und Weltreich: Friedrich Naumann in seiner Frankfurter Zeit. Heidelberg, 1993. 282 S.; *Kleinmann D.* Friedrich Naumann (1860–1919) // Protestantische Profile. Kьnigstein/Ts, 1983. S. 267–285.

¹¹ Цит. по: *Kleinmann D.* Friedrich Naumann. Kьnigstein/Ts, 1983. S. 20.

¹² См.: *Heuss T.* Friedrich Naumann. S. 20.

¹³ *Naumann F.* Briefe ьber Religion // Naumann F. Werke. Kьln, Oplanden. 1964. Bd. 1. S. 580.

¹⁴ См.: *Wenck M.* Friedrich Naumann. S. 18–20.

¹⁵ См.: *Ibid.* S. 19.

¹⁶ См.: *Heuss T.* Friedrich Naumann. S. 27–28.

¹⁷ См.: *Shanahan W. O.* Friedrich Naumann: A German View of Power and Nationalism // Nationalism and Internationalism. N.Y., 1951. P. 354–355; *Nьrnberger R.* Imperialismus, Sozialismus und Christentum bei Friedrich Naumann // Historische Zeitschrift. 1950. Heft 3, Bd. 170. S. 527.

¹⁸ *Oppel K.* Friedrich Naumann. Stuttgart, 1961. S. 27.

¹⁹ См.: *Wenck M.* Friedrich Naumann. S. 23.

²⁰ *Opel K.* Friedrich Naumann. S. 40.

²¹ *Heuss T.* Friedrich Naumann. S. 49.

²² *Wenck M.* Friedrich Naumann. S. 32.

²³ См.: *Ibid.* S. 34–40.

²⁴ *Ibid.* S. 36.

²⁵ Цит. по: *Гроссман Г.* Пастор Науман и его политическая карьера // Образование. 1904. № 5. С. 107.

²⁶ См.: *Wenck M.* Friedrich Naumann. S. 58.

²⁷ См.: *Lewerenz O.* Zwischen Reich Gottes und Weltreich. S. 164–166.

²⁸ См.: *Ibid.* S. 65.

²⁹ См.: *Wenck M.* Friedrich Naumann. S. 71–72.

³⁰ См.: *Nьrnberger R.* Imperialismus, Sozialismus und Christentum bei Friedrich Naumann. S. 528–529; *Гроссман Г.* Пастор Науман и его политическая карьера. С. 108.

³¹ См.: *Nürnberg R.* Imperialismus, Sozialismus und Christentum bei Friedrich Naumann. S. 530—533.

³² См.: *Ibid.* S. 535—536.

³³ *Fricke D.* Nationalsozialer Verein (1896—1903) // Die bürgerlichen Parteien in Deutschland: In 2 Bd. B., 1968. Bd. 1. S. 376.

³⁴ *Langewiesche D.* Liberalismus in Deutschland. Fr./M., 1988. S. 211—212.

Н. А. Кручинина

Концепция социального патернализма лорда Хью Сесила

В начале XX в. позиции консервативной партии Великобритании серьезно пошатнулись: трижды подряд она проиграла всеобщие выборы, уступила либералам в борьбе за парламентскую реформу. Широкие социальные реформы либералов, урегулирование либеральным правительством крупнейшей стачки начала века — стачки шахтеров 1912 г. также не прибавляли консерваторам популярности. В такой обстановке в 1912 г. вышла книга одного из видных членов палаты общин лорда Хью Сесила «Консерватизм».

Публицист, политический и религиозный деятель лорд Хью Сесил, полное его имя на тот момент — Хью Ричард Хиткоут Гаскойн-Сесил, 1-й барон Куиксвуд (1869—1956), принадлежал к старинному аристократическому роду, ведущему свое происхождение со времен королевы Елизаветы, и был младшим сыном 3-го маркиза Солсбери. Никогда в своей жизни не занимавшая министерских постов, лорд Хью сыграл значительную роль в политической жизни Великобритании начала века, выступив противником протекционизма и возглавив в консервативной партии оппозицию Д. Чемберлену. В своей книге он сделал попытку сформулировать отношение консерваторов к актуальным проблемам современности и в том числе их точку зрения на социальные проблемы. Будучи оригинальным религиозным